

2 марта после переговоров Временного комитета Государственной думы и Исполкома Петросовета было сформировано Временное правительство. Изначально Временное правительство было вынуждено согласовывать все свои действия с Петроградским советом, но с июля по октябрь 1917 г. Временное правительство установило единовластие в форме коалиции либеральной буржуазии с «умеренными» социалистами. В стране росло возмущение масс проволочками правительства в проведении самых насущных экономических, социальных и политических преобразований.

10 октября ЦК РСДРП(б) принял резолюцию о вооруженном восстании. Через два дня при Петроградском Совете был сформирован Военно-революционный комитет (ВРК).

Переход власти в руки большевиков в Москве растянулся на неделю, в течение которой шли ожесточенные бои между сторонниками Временного правительства и большевиками. Но победу в этой борьбе одержали большевики, они провозгласили установление в России экономического и социально-политического строя, не имевшего аналогов в мировой истории.

Литература:

1. Сопrotивление большевизму 1917-1918 гг. Издательство «Центрограф». Москва, 2001
2. Пособие по истории СССР для подготовительных отделений вузов / А.С. Орлов, В.А. Георгиев, Н.В. Наумов, Т.А. Сивохина, М., 1988.
3. Пашков Б.Г. Русь-Россия-Российская империя. Хроника правлений и событий 862 – 1917 г. М., 1977.

«ПЕРЕСТРОЙКА» В СССР КАК ПОПЫТКА ОГРАНИЧЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

*К.А. Макаров, 1 курс, экономический факультет
Научный руководитель - к.ф.н., доцент Е.В. Тозонова
Ульяновская государственная сельскохозяйственная академия*

В истории мы видим пять периодов Российского государства: киевскую Русь, Русь татарского периода, Россию московскую, Россию петровскую, императорскую и советскую Россию. Перестройка второй половины 80-х годов XX века действительно стала для России — как и других бывших субъектов советской федерации — новым историческим рубежом, переходом к «шестой» России.

Задуманная высшим руководством партии как революция сверху, перестройка была изначально направлена не на разрушение сложившейся общественной системы и политического строя, а на их сохранение посредством некоторой либерализации «реального социализма». (Неслучайно первоначально речь велась не о «перестройке», а об «ускорении» на основе соединения достижений НТР с «преимуществами социализма».) Как рево-

люция сверху перестройка изначально базировалась на трех основных постулатах.

Постулат первый: КПСС остается руководящей и направляющей силой советского общества, т. е. сохраняет монополию на власть или, в крайнем случае, удерживает в своих руках основные командные высоты. В лице новых, негласно контролируемых ею советов партия получает дополнительный канал «трансляции своей воли в народ» и новый механизм контроля над обществом. Вместе с «боевыми отрядами КПСС» — КГБ, армией, внутренними войсками — советы обслуживают существующую систему, выступая в качестве «либерального» механизма ее стабилизации.

Постулат второй: СССР сохраняется в качестве единого, по сути своей унитарного государства. Республики получают несколько большую свободу, но в целом и главным, как и прежде, полностью контролируются союзным Центром.

Постулат третий: страна продолжает твердо придерживаться «социалистического выбора» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Во внутренней политике это — сохранение общественной (читай: государственной) собственности, «планового хозяйства», приоритета политики над экономикой, а также поддержание сохранившейся со сталинских времен системы всеобщей «промывки мозгов», обеспечивающей господство марксистско-ленинской идеологии. Во внешней политике — дальнейшие шаги по смягчению напряженности между Востоком и Западом, в первую очередь между СССР и США; продолжение разоруженческого процесса при одновременном сохранении «социалистического лагеря» (тоже, правда, несколько перестроенного и либерализованного) и международного коммунистического движения; поддержание сложившегося разделения мира на «две противоположные системы». Таков был — как он видится по документам 1985 и 1986 гг. — общий первоначальный замысел перестройки. Резонно предположить, что если бы уже в первые годы правления М. Горбачева не были допущены крупные стратегические просчеты и тактические ошибки, если бы политизация общества шла более медленными темпами, то партийно-государственному руководству удалось бы в течение определенного, возможно, достаточно длительного времени выдерживать намеченный курс. Однако в конечном итоге это только продлило бы стагнацию исторически уже обреченной системы и привело бы к тяжелым последствиям.

Инициаторы перестройки не учли два весьма существенных обстоятельства. Первое — сохранить полный контроль над реформируемым обществом, удержать реформы в заданном русле можно лишь в том случае, если последние не слишком запоздали. «Просроченные» реформы, предпринимаемые в условиях, когда общество поражено тяжким недугом и в нем накопилась критическая масса деструктивной энергии, как правило, выходят рано или поздно из-под контроля и либо перерастают в революцию, либо пресекаются железной рукой новоявленного диктатора. И вто-

рое обстоятельство — тоталитарные системы не поддаются радикальному реформированию: их можно либо слегка подновить, либо полностью разрушить. Так было в разное время в Германии, Италии, Португалии, Испании, хотя между системами, существовавшими в этих странах, имелись существенные различия. История повторилась в конце 80-х годов в странах Восточной Европы, входивших ранее в так называемое социалистическое содружество. Уже к осени 1990 г. стало совершенно очевидно, что перестройка, как она была первоначально задумана, не дала желаемых результатов. Она серьезно расшатала старую социально-политическую систему, однако не заменила ее — да и не могла заменить — новой. Она не разрешила ни одной фундаментальной проблемы, стоящей перед советским обществом, которое вступило в полосу всеобщего кризиса.

Положение все более становилось критическим. Предлагалось два альтернативных пути: либо, отбрасывая первоначальные ограничения, встать на путь радикальных политических и экономических преобразований, либо сделать сразу несколько шагов назад и под видом укрепления «закона и порядка» восстановить разрушенные элементы тоталитарной системы — в первую очередь всевластие КПСС как фундамента административно-командной системы. Именно к этому второму пути и начал склоняться Горбачев с осени 1990 года. Он в данном случае действовал с той решительностью, на которой настаивала окружавшая его и давившая на него консервативная верхушка партийно-государственной номенклатуры, желавшая разгрома демократических сил и завершения перестройки. В этом контексте августовский путч стал закономерным исходом перестроенного процесса. Но отсюда логически вытекал и другой, подтвержденный последующим ходом событий вывод: провал путча был чреват неминуемым взрывом, который должен был обозначить переход от эволюционных преобразований к революционным. Строго говоря, перестройка в том виде, в каком она проводилась с 1985 г., завершилась в августе 1991 года. Система, которую первоначально намеревались перестроить, разрушена. Ее больше не существует как системы. Это, конечно, не значит, что исчезли составляющие ее элементы или, что она не попытается воспроизвести себя в превращенной форме (в том числе и в рамках новой складывающейся системы). Старые социально-политические структуры разрушены, страна становится на путь радикальных преобразований и перехода к новому социуму, контуры которого будут вырисовываться по мере продвижения по этому — отнюдь не воспроизводящему ни наше собственное прошлое, ни западноевропейскую или американскую историю — пути. Распад советской тоталитарной системы ускорил распад Советского Союза.

Перестройка стала мощным стимулом дезинтеграции СССР, но она не была причиной этого процесса. Те, кто утверждает, что Горбачев, Ельцин или Яковлев развалили страну, не учитывают одного важного обстоятельства: в том виде, в каком Союз сохранялся к началу перестройки, он мог продолжать функционировать только в тоталитарном режиме. Переход

советского общества к демократии неизбежно должен был повлечь за собой дезинтеграцию последней «империи». Это не значит, конечно, что более искусная политика в центре и на местах не могла амортизировать этот процесс, что кровь и человеческие трагедии, сопровождающие распад страны, были неизбежны. Но даже безошибочное движение от тоталитаризма к демократии не могло не повлечь за собой распада геополитического пространства, в котором функционировала тоталитарная система.

Этот факт поставил Россию, как и другие входящие в СССР республики, в противоречивую ситуацию. С одной стороны, произошло резкое ухудшение

положения в стране и заметно снизился жизненный уровень населения. Неслучайно значительная часть россиян с ностальгией вспоминает о «добрых застойных временах» и, судя по опросам общественного мнения, готова поддержать — если не активными действиями, то молчаливым согласием — сторонников «твердой руки». Но дело не ограничивается житейскими невзгодами. Распадаются не только старые, закостеневшие, но и живые общественные связи, разрушаются институты, далеко еще не исчерпавшие свой цивилизационный потенциал, усиливаются сепаратистские тенденции. Как пророчески писал русский философ Г. Федотов, «...момент падения коммунистической диктатуры, освобождая национальные силы России, в то же время является и моментом величайшей опасности. Он, несомненно, развяжет подавленные ныне сепаратистские тенденции некоторых народов России, которые попытаются воспользоваться революцией для отторжения от России, опираясь на поддержку ее внешних врагов. Благополучный исход кризиса зависит от силы новой власти, ее политической зрелости и свободы от иностранного давления»[1].

Перестройка как процесс ограниченной модернизации по инициативе «сверху» ускорила переход к новой общественной системе.

Литература:

1. Федотов Г. П. Будет ли существовать Россия? «О России и русской философской культуре». М., 1990, с. 455.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО РОССИИ В 20 ВЕКЕ

*Я. Михайлова, Л. Хитрова, 2 курс, экономический факультет
Научный руководитель – ст. преподаватель С.К. Войнатовская
Ульяновская государственная сельскохозяйственная академия*

В XX столетии в России произошла перемена, еще мало осознанная обществом и государством, но которая будет во многом определять облик страны в будущем. Крестьянство, бывшее на всем протяжении российской истории основным сословием страны, заняло место социального аутсайде-